

РИЧАРД КОБДЕН И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1830–1850 гг.

И.Н. Степанов

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия российско-британских отношений английским политическим деятелем и одним из лидеров фритрейдеров Ричардом Кобденом. Анализ включает в себя описание предпосылок формирования Р. Кобдена как личности, обзор государств, которые были им посещены в 1833–1837 гг., а также дальнейшее развитие взглядов Р. Кобдена об англо-русских отношениях в ходе Крымской войны. В 1836 г. он посвятил России отдельную работу, в кратком содержании труда которого содержится не только политико-экономический и географический анализы самого государства, но и соседей Российской Империи. Он убеждал британское общество в прагматичном и взаимовыгодном экономическом сотрудничестве Великобритании с Россией, а также осуждал демонизацию российского государства среди своих соотечественников. Дальнейший анализ взглядов Р. Кобдена в 1850-е гг. демонстрирует, что он был убежденным противником участия Великобритании в Крымской войне, которую он считал ошибочной для англо-русских отношений и вредной для его родины и прогрессивного человечества. Однако такая позиция была непопулярна в британском обществе, а сам Р. Кобден стал объектом жестокой травли среди своих избирателей и оппонентов, которая в дальнейшем стала одной из причин его поражения как политика на парламентских выборах в 1857 г.

Ключевые слова: Ричард Кобден, манчестерский либерализм, российско-британские отношения в XIX в., Крымская война.

Для цитирования: Степанов И.Н. Ричард Кобден и его восприятие российско-британских отношений в 1830–1850 гг. // Преподаватель XXI век. 2022. № 1. Часть 2. С. 227–235. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-227-235

227

RICHARD COBDEN AND HIS PERCEPTION OF RUSSIAN-BRITISH RELATIONS OVER THE PERIOD 1830–1850

I.N. Stepanov

Abstract. The article analyzes the perception of Russian-British relations by Richard Cobden, an English political figure and one of the leaders of freetraders. The analysis includes a description of the prerequisites for the formation of R. Cobden as a personality, an overview of the states he visited in 1833–1837, as well as the further evolution of Cobden's views on Anglo-Russian relations during the Crimean War. In 1836 he devoted a separate work to Russia, the summary of which contains not only

© Степанов И.Н., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

political, economic and geographical analysis of the state itself, but also of the neighbors of the Russian Empire. He convinced British society of the pragmatic and mutually beneficial economic cooperation between Britain and Russia, and he denounced the demonization of the Russian state among his compatriots. Further analysis of R. Cobden's views in the 1850s demonstrates that he was a staunch opponent of British participation in the Crimean War, which he considered wrong for Anglo-Russian relations and harmful to his homeland and progressive humanity. However, such a position was unpopular in British society, and R. Cobden himself became the object of severe persecution among his voters and opponents, which later became one of the reasons for his defeat as a politician at the parliamentary elections in 1857.

Keywords: *Richard Cobden, Manchester liberalism, Russian-British relations in the XIX century, Crimean war.*

Cite as: Stepanov I.N. Richard Cobden and His Perception of Russian-British Relations over the Period 1830-1850. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 1, part 2, pp. 227–235. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-227-235

Рассмотрение государства или народа «со стороны» часто служит источником восприятия его не только в обществе, но и среди историографов. Если для современников данные труды формировали картину мира и общественного строя лучшего с точки зрения автора через призму контрастов, то для историографии такие очерки, как «Хождение за три моря» А. Никитина, «Россия в 1839 году» А. де Кюстина и «Демократия в Америке» А. де Токвиля, позволяют изучить восприятие иностранного государства в эпоху путешествий автора и особенности его взглядов на мир. В этом контексте особый интерес вызывают труды и выступления Р. Кобдена, представителя оппозиции в викторианской Англии, который в большей степени известен как один из лидеров манчестерской экономической школы и своей борьбой против «хлебных законов». Кроме того, его взгляды на Россию не несли явной негативной коннотации в отличие от труда А. де Кюстина, несмотря на такой парадокс, что первый был представителем либеральных взглядов, а второй — консервативных. В данной статье в качестве объекта исследования будут рассмотрены суждения Р. Кобдена о

России на основе анализа его публицистических трудов и выступлений в парламенте.

Р. Кобден родился 4 июня 1804 г. в деревушке Хейшотт графства Сассекс в многодетной семье простолюдинов. Он не получил полного образования, и с 15-ти лет, после окончания средней школы-интерната в Йоркшире, начал работать клерком в Лондоне на складе своего дяди. У. Доусон отмечает, что юный Р. Кобден всегда искал любую возможность для самообразования: учил втайне французский язык, покупал книги на свои небольшие средства [1, с. 15].

В 21 год, получив повышение в должности, он по деловым обстоятельствам посетил Ирландию, где столкнулся с острой социальной несправедливостью. Возможно, этот факт и повлиял на то, что в дальнейшем он старался «своими глазами» изучить положение дел в своем или чужом государстве, изучить историю проблемы, а уже исходя из этого, выражать свои политические пристрастия.

Вскоре в 1828 г. он и несколько его компаньонов начали собственное дело: организовали ситценабивную фабрику в деревне Сабден в графстве Ланкашир, где

Р. Кобден начал свою политическую карьеру как сторонник улучшения начального образования.

Прибыль с предприятия позволила Р. Кобдену удовлетворить тягу к путешествиям: с 1833 по 1837 гг. он совершил путешествие по США и нескольким европейским государствам, в том числе посетил и Россию. Свои заметки он публиковал в брошюрах, первая из которых «Англия, Ирландия и Америка» была издана в 1835 г., а в настоящей статье используется по сборнику 1909 года [2].

Мысли автора о будущей роли США в мире оказались вполне пророческими: Р. Кобден утверждал, что американцы, вероятно, являются наиболее расчетливыми из всех наций «на пути к высшему званию цивилизации и власти». Он восхищался универсальностью и заинтересованностью американцев в образовании на фоне остальных государств: ведь тридцать шестая часть всех государственных земель была отведена под образовательные учреждения. И если так будет продолжаться, считал Р. Кобден, то американцы неизбежно должны будут стать самым могущественным народом в мире. Все это укладывалось в одну простую формулу: «Знание — это власть, а образование — это знание» [там же, с. 94].

Он критиковал активную воинственную внешнюю политику Англии, что разоряла страну, при этом британские политики будто и не замечают появления серьезного конкурента за океаном. Несмотря на это, Р. Кобден был уверен в том, что не все потеряно и необходимая перестройка экономико-политической системы станет «единственным шансом на национальное процветание» [там же, с. 100].

В работе «Англия, Ирландия и Америка» Р. Кобден впервые упомянул и Россию как пример альтернативы на фоне несправедливости во внутренней

политике на территории Великобритании: «Что мы должны бы были сказать, — вопрошал он, — если бы вдруг выяснилось, что правительство Австрии, России или Турции (ведь у каждой из этих стран есть своя государственная религия, кроме религий этнических меньшинств) использовало бы весь религиозный доход своей страны на обслуживание веры одной седьмой ее подданных? О чем мы (прогрессивное общество) должны были подумать, если бы российское правительство передало всю свою собственность только лишь греческой (православной), католической или армянской части своего народа?». На основе этого заявления Р. Кобден делал вывод о том, что в любой из упомянутых стран можно найти устойчивую религию, которая бы гармонично сосуществовала с совестью своего народа. Дальнейшие рассуждения Р. Кобдена приводят к мысли о том, что по каким-то неизвестным причинам этого нет в Ирландии, которая в этом, как и в других отношениях, не схожа с другими странами мира и даже предстает в этом плане какой-то аномалией [там же, с. 74]. Забегая вперед, стоит сказать, что в дальнейшем это мнение Р. Кобдена о религиозной терпимости в Османской Империи вскоре переменится на противоположное.

Успех первой работы позволил Р. Кобдену приступить к написанию новой брошюры, которая была названа в честь главного объекта своего описания, России, и была опубликована в 1836 г. под одноименным названием. В статье данная работа используется по сборнику 1909 года [3]. Описывая зарубежный взгляд на Россию в ту эпоху, соотечественники невольно вспоминают о книге маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», в которой он видел Россию варварской страной, в которой все цивилизованное в ней — лишь заимствования у более развитых (западных)

стран, «усугубленное порабощенным состоянием Церкви» [4, с. 16].

Но Р. Кобден старался в своей работе исходить из других парадигм: он рассматривал российское государство не с точки зрения каких-либо эмоциональных порывов, но через призму истории, географии и экономики, сравнивая, прежде всего, ее с соседями. Так, в первой главе он соотносил Россию и Турцию.

Он как будто бросал перчатку вызова своим потенциальным оппонентам. Р. Кобден осуждал безудержное невежество в обществе, что распространяет ужас и ненависть к России. В этом, как считал он, «...может убедиться любой (обыватель), кто возьмет на себя труд озвучить мнение своего соседа по этому вопросу, ...и (я ставлю) десять к одному, он сочтет его алармистом по поводу остроумия П. ди Борго, жестокости царя и варварства русских...». Сравнивая османское правительство с российским, Кобден неожиданно для себя открывает, что российское имеет превосходство, в первую очередь, по законам и институтам. Он очень благожелательно отзывался и о русском народе, акцентируя внимание на том, что пускай и далек от его абстрактного пристрастия, но хвалит этот народ в сравнении с «варварским и деспотичным соседом из магометан» [3, с. 126].

Повествуя об Османской империи, Р. Кобден считал доминирующую часть ее населения расой татар. И хотя османы, безусловно, «поразили всю Европу своими завоеваниями» [2, с. 128], однако, как считал Р. Кобден, эти земли пребывают не в лучшем состоянии. И он видел в этом одну причину: яростный и безжалостный военный деспотизм, что слит воедино с фанатизмом ислама, жестокой, с его точки зрения, религии, которой чужд любой прогресс и труд [3, с. 131]. Он обвинял турок в том, что они слабо разбираются в

делах торговли [там же, с. 132], предполагая причину этого в том, что с начала завоевания Константинополя турки закрыли для европейских судов Черное море, тем самым в течение трех веков оно было потеряно для торговли. И только с приходом русских и подписанием Кючук-Кайнарджийского мира коммерческая ценность этого региона стала постепенно восстанавливаться [там же, с. 133].

Р. Кобден не без причин отмечает, что территории России, пугающие одних «впечатлительных» [там же, с. 135] авторов и служащие объектом гордости у русских, следует рассматривать с учетом плотности населения этих территорий. Откуда он, сравнивая Пруссию, Францию, Англию и Россию, выводил градацию между богатством страны и плотностью ее населения, в которой Россия была явно не в лидерах.

Не обошел стороной он и регионы Российской империи: описывая территории Малороссии, Р. Кобден отмечает, что «...если бы ее (России) правительство достигло той фактической власти, которую невежественные писатели провозглашают за нее во владении безграничными пустошами и непроходимыми лесами, она должна была бы прекратить войны на мечах и начать битву с пустыней, строя железные дороги, строя мосты, углубляя реки; способствуя накоплению капитала, росту городов и росту цивилизации и свободы». С его точки зрения, до тех пор, пока Россия, как и Америка, не извлечет из своих равнин, гор и рек те ресурсы, осваиваемые руками трудолюбивой и высококвалифицированной рабочей силы, этим странам останется лишь хвастаться только своими обширными территориями [там же, с. 139].

Поэтому Р. Кобден вопрошал своих оппонентов: в чем угроза России для англичан, если присоединенные Россией

земли, пусть и богаты, но страдают из-за нехватки населения, которое должно эти земли освоить? В чем причина этой экспансии? В связи с этим он предлагает рассмотреть исторический отрезок времени недавнего прошлого России, что осуществляла аналогичную экспансию, но на балтийском направлении. Р. Кобден напоминает, что присоединение балтийского побережья и прилегающих земель, что были отняты у «маньяка Карла XII» [там же, с. 140], являются демонстрацией того, чего хочет Россия на Юге: прогресса. Отдельно он восхвалял Петра Первого, который ради ознакомления с прогрессом не чурался на время оставить свой же трон и работать всего лишь простым плотником на верфях в Англии.

С точки зрения Р. Кобдена, само основание г. Петербурга стало поворотной точкой в англо-русских отношениях: город позволил открыть для англичан и всех других европейцев новый порт, рынок сбыта и одну из новых столиц науки и прогресса. Поэтому Р. Кобден недоумевал, почему стоит вообще опасаться потенциальной угрозы захвата Константинополя русскими, «ведь разве можно ли нам (англичанам) сомневаться в том, что если бы правительство российской империи из Санкт-Петербурга переехало на берега Босфора, то на месте тех жалких хижин, которые отныне составляют столицу Турции, чуть менее чем через лет двадцать возник бы европейский город во всем своем великолепии и величии?» [там же, с. 142]. Исходя из всего вышеперечисленного, Р. Кобден был уверен, что прогресс в улучшении какой-либо развивающейся цивилизации не может повлиять на благополучие Великобритании, и потому отрицал какую-либо угрозу его родине.

Возвращаясь к сравнению России и Турции, Р. Кобден не обходится без

расистского подхода, что было, однако, вполне характерным приемом в ту эпоху. «Тут, — утверждал он, — на первый взгляд, мы имеем черты турецкой и русской, монгольской и славянской рас, которые отличны друг от друга: первая (турецкая) из них неизменна и неподвижна, вторая же — прогрессивна, подражательна. Строгость законов, принятых Россией в отношении завоза нашей ткацкой продукции, свидетельствует о настоящем многообразии в характере (русских)... искреннем желании конкурировать с нами в машиностроении». Напротив, «та непостижимая апатия, с которой турки рассматривают каждое наше изделие... абсолютно не имея даже стимула изучать конструктивные особенности ткацкого станка или прядильной рамы, является лишь еще одним (типичным) проявлением неполноценной интеллектуальной структуры (турок)» [там же, с. 144]. Заканчивает же свое сравнение Р. Кобден ужасным положением христианского населения в Турции на фоне того, что населению Финляндии в России, несмотря на чужеродность культуры, были сохранены и не подвергались притеснению ни шведский язык, ни местные законы, ни лютеранская вера.

Во второй главе «России» Р. Кобден приступает к описанию отношений между Российской империей и Польшей. Свое повествование он начинает с того, что он, с одной стороны, осуждает участников раздела Польши соседними державами, в котором видит сходство с тем, что сделала Англия, завоевывая Индию, однако упрекает британское общество в том, что на эту страну (более, чем на любую другую проблему настоящей действительности) было послано очень много разного толка заблуждений, да и просто невежества. Однако эту проблему Р. Кобден желал рассмотреть подробнее,

ведь «мы обязаны погрузиться в нее со всей осмотрительностью, поскольку нам придется (столкнуться) с самой властью... невоспитанности и фанатизма» [там же, с. 165].

Так, он замечает, что «...писатели (публикаций) на эту тему неизменно обращаются к нам от имени так называемого польского народа, народа угнетённого и порабощённого; при этом тщательно скрывая среди облака эпитетов о их «древней свободе», «национальной независимости», «славной республике» тот факт, что до расчленения их страны термин «нация» приходился только для дворян, а каждый девятнадцатый из двадцати ее жителей были настоящими рабами, которые не обладали никакими гражданскими или политическими правами» [там же, с. 166].

И это дворянство только и делало, что «представляло собой самую ужасную аристократию древности и современности: она ставила и свергала королей себе на потеху; принимала законы полные эгоизма, что давали им во власть жизнь и смерть своих крепостных, которых они же продавали и покупали, как каких-то собак или лошадей; и потому узурпируя для каждого из своего сословия привилегии настоящего мелкого правителя». Именно им Р. Кобден вменяет в вину то, что в Польше осуществлялся деспотизм, который превосходил в разы деспотизм турецкий, ведь именно такой политический режим «...дал сотням тысяч тиранов абсолютную власть над жизнью остальной части общества» [там же, с. 172].

И потому, с точки зрения Р. Кобдена, было неудивительно то, что в российской части Польши стало лучше, чем прежде, ведь «крестьянин, что обрабатывает землю, уже не стоит на одном (правовом статусе) с волами, которые только и тянут его плуг; его не убьют или покалечат

из-за прихотей его дерзкого хозяина» [там же, с. 177–178].

«Но как так случилось, что (польский) народ поднял восстание против России в 1830 году, раз он так наслаждался благами от связи с империей?» [там же, с. 177–178], — задается вопросом Р. Кобден от имени своих оппонентов и отвечает на него: «Восстание подняла польская аристократия, которая жаждет лишь вернуть себе утерянные вольности». Р. Кобден видел в этом именно ту реакционность, которую предпочитают приписывать России прогрессивные круги Запада. И потому он утверждает, что в исторической летописи нет и не будет места осуждению для объединенных, стремящихся к богатству и прогрессу народов, таких как в Пруссии, но такой удел «...предназначен для наказания самоотверженности, развращённости, дезорганизованных, невежественных и нерелигиозных общин и их анархических правительств — для Вавилона и Персеполиса нашего времени — для Польши и Турции!» [там же, с. 173–174].

Подытоживая, Р. Кобден утверждает, что ужасные предрассудки, существующие в сознании британского народа в отношении русских и скрупулёзно подпитываемые писателями и публицистами нашего времени, на самом деле основаны на заблуждениях и искажениях, ...и потому он не находит веского основания, согласующегося со здравым смыслом, чтобы начинать войну с Россией [там же, с. 192–193]. Наоборот, Р. Кобден призывал расширять с этой страной торговые отношения с долгосрочной перспективой на обоюдную отмену торговых пошлин для общего блага. Именно потому в дальнейших главах (третьей и четвертой) он агитирует за невмешательство в иностранные дела путем военной силы и отдает предпочтение реформам в самой Великобритании.

Стоит отметить, что в ходе очередной поездки по Европе (включая и Россию) в 1847 г., Р. Кобден все больше укреплялся в своих взглядах относительно политики невмешательства. Со слов атташе посольства в Санкт-Петербурге, Р. Кобден был участником неприятного инцидента: англичане, члены англо-русской ассоциации, предлагали открыть заседание ассоциации исполнением мелодии «Правь Британия», чему сам Р. Кобден стал наперекор, справедливо полагая, что это русским явно не понравится [1, с. 34]. Этот пример показателен в плане разницы между тем, насколько Р. Кобден и его оппоненты отличались в плане подхода в отношении к России в дальнейшем: если Р. Кобден, в отличие от коллег, настаивал на равноправном партнерстве, то его оппоненты, такие как Г. Пальмерстон (его давний противник), предпочитали смотреть на эту страну лишь свысока. И, несмотря на все усилия, Р. Кобден фактически продолжал воевать с ветряными мельницами: британское высшее общество в большинстве своем настаивало на традиционно конфронтационных взглядах в отношении России.

Эта аксиома стала очевидна во время Крымской войны, когда в ходе парламентских выступлений Р. Кобден, будучи противником войны, оказался в меньшинстве. «Мне было очень обидно обнаружить, — заявлял он на заседании парламента от 20 февраля, — из-за ссоры по поводу гроба самого Христа, теперь, в наши дни, Европа должна быть очарована кровью. И потому достаточно согласиться с циничными суждениями о том, что мы (англичане) — явно не прогрессивные существа, раз все еще продолжаем двигаться в цикле инстинкта, который по прошествии семисот или восьмисот лет возвращает нас назад во времена крестовых походов, если не хуже; ибо мы сейчас не собираемся, как тогда, сражаться

против магометан от имени христиан, теперь мы воюем во благо магометан и против христиан...» [5, с. 920–921]. Он в отчаянии вопрошал своих коллег: «Чего хотела Россия? Она требовала подписания определенной декларации, которая дала бы ей право впоследствии вмешиваться в дела Турции, если бы эта декларация не была осуществлена этой державой». Он припоминал коллегам то, что в свое время Великобритания заключила договор с Бразилией о прекращении работорговли. И когда британское правительство обнаружило, что Бразилия не выполнила условия этого договора, его соотечественники приняли меры, которые вынудили Бразилию исполнять свои обязательства. Более того, Р. Кобден заметил, что именно британские дипломаты предостерегали турецкого султана о том, что подписание этой ноты (о правах православных на святые места в Палестине) может привести к потере независимости и расчленению своей собственной империи [там же, с. 922–923]. Р. Кобден предположил, что если бы произошло вторжение России в Пруссию, более экономически развитую державу, то вполне справедливо угрожать войной агрессору в случае его отказа выводить войска. Однако Турция — не Пруссия, а немалая часть ее населения (христианского) бесправна и видит в соседнем государстве свою надежду и опору. Поэтому Р. Кобден недоумевал, почему из-за этой борьбы за такую «нецивилизованную» державу должна была разгореться большая война в Европе, если Великобритания декларирует защиту христиан тоже? Его аргументом также было письмо для С. де Редклиффа от 23 февраля 1853 г., главы английского посольства в Османской империи, в котором надо было дать понять султану, что безопасность его страны может жидиться лишь на обеспечении равноправия

перед законом всех его подданных, то есть все аналогично тому, о чем заявляла Россия [там же, с. 925–926].

Р. Кобден считал, что министерства, которые втянули Англию в эту непонятную и вредную войну, просто не способны понять всю ответственность за последствия: «Я не мог не вспомнить слова великого греческого оратора (имеется в виду речь афинянина Демосфена о Херсонесе), когда я услышал о (бесславном) возвращении нашей эскадры в Константинополь. Тогда он выступал перед собранием не менее знаменитым, чем это: «О, афиняне! Те люди, что повелевают вашими делами, — это люди, которые не способны ни заключать мир, ни воевать...» [там же, с. 935–936].

Стоит ли удивляться, что Р. Кобден и его друг Дж. Брайт подверглись нападкам: их чучела сжигали в промышленно развитых городах, которые еще недавно были опорой политика, а в ходе заседания от 16 июля 1855 г. накал ненависти дошел до того, что Г. Пальмерстон с трибуны призвал отправить Р. Кобдена и оставшихся его единомышленников в сумасшедший дом. В итоге сам Б. Дизраэли выразил протест, указав на то, что Г. Пальмерстону следовало бы изъяснять свои мысли в рамках приличия [5, с. 919–920].

В итоге такая позиция Р. Кобдена на фоне победы Великобритании в войне стоила ему места в парламенте (хотя он и вернулся туда 1859 г., чтобы через год

сыграть заметную роль в заключении первого в истории договора о свободной торговле с Францией).

Таким образом, взгляды Р. Кобдена в отношении России были следующими:

1) Р. Кобден видел в России страну с огромным потенциалом, который она стремится реализовать, несмотря на имеющиеся минусы в экономическом и политическом развитии.

2) Великобритания только выиграет, если отбросит мнимую «угрозу» России, займется внутренними делами, а с Россией будет строить коммерческие и партнерские отношения, основанные на взаимном доверии. Именно эти отношения должны будут в будущем привести к процветанию оба государства.

3) Р. Кобден, сравнивая Турцию, Польшу и Россию, определённым образом снимал демонизацию России, чтобы демонизировать уже саму Турцию и подвергнуть дискредитации пропольские симпатии определенной части британского общества. На этом поприще он не стеснялся в средствах и переходил на шовинистические термины. Однако, с точки зрения большинства в британском обществе той поры, взгляды Р. Кобдена были маргинальны и не имели поддержки, и только через половину столетия, в 1907 г., Россия и Великобритания встали на путь сотрудничества, а не конфронтации, пусть Р. Кобден и не дожил до этого времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доусон, У. Манчестерский либерализм и международные отношения: принципы внешней политики Ричарда Кобдена / пер. А. Столярова. М.: Социум, 2019. 426 с.
2. Cobden, R. England, Ireland, and America. The political writings of Richard Cobden. Vol. 1. London: Paternoster Square, 1909. URL: https://oll.libertyfund.org/title/cobden-the-political-writings-of-richard-cobden-vol-1#f0424-01_label_144 (дата обращения: 05.08.2021).
3. Cobden, R. Russia. The political writings of Richard Cobden. Vol. 1. London: Paternoster Square, 1909. URL: https://oll.libertyfund.org/title/cobden-the-political-writings-of-richard-cobden-vol-1#f0424-01_label_144 (дата обращения: 05.08.2021).

4. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крива, 2008. 704 с.
5. "Russia and the Porte" Hansard parliamentary debates. House of Commons. 21–24 December 1854. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/index.html> (дата обращения: 05.08.2021).
6. "Ministerial explanations" Hansard parliamentary debates. House of Commons. 16 July 1855. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/index.html> (дата обращения: 05.08.2021).

REFERENCES

7. Dawson, W. *Manchesterskij liberalizm i mezhdunarodnye otnosheniya: principy vneshnej politiki Richarda Kobdena* [Richard Cobden and Foreign Policy: A Critical Exposition, with Special Reference to Our Day and Its Problems], ed. by A. Stolyarova. Moscow: Socium, 2019, 426 p. (in Russ.)
8. Cobden, R. England, Ireland, and America. *The Political Writings of Richard Cobden, vol. 1*. London: Paternoster Square, 1909. Available at: https://oll.libertyfund.org/title/cobden-the-political-writings-of-richard-cobden-vol-1#lf0424-01_label_144 (accessed: 05.08.2021).
9. Cobden, R. Russia. *The Political Writings of Richard Cobden, vol. 1*. London: Paternoster Square, 1909. Available at: https://oll.libertyfund.org/title/cobden-the-political-writings-of-richard-cobden-vol-1#lf0424-01_label_144 (accessed: 05.08.2021).
10. Custine, A. de. *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839], transl. O. Greenberg, S. Zenkin, V. Milchina, I. Staf. Saint-Petersburg: Kriga, 2008, 704 p. (in Russ.)
11. "Russia and the Porte" Hansard Parliamentary Debates, House of Commons, 21–24 December 1854. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/index.html> (accessed: 05.08.2021).
12. "Ministerial Explanations" Hansard Parliamentary Debates, House of Commons, 16 July 1855. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/index.html> (accessed: 05.08.2021).

Степанов Игорь Николаевич, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, igorstepanov_1995@bk.ru

Igor N. Stepanov, Postgraduate Student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, igorstepanov_1995@bk.ru

Статья поступила в редакцию 20.11.2021. Принята к публикации 29.12.2021

The paper was submitted 20.11.2021. Accepted for publication 29.12.2021